

ется молитвенное бдѣніе. Молящіяся, преимущественно женщины, тѣсно обступили Ложе. Пѣніе чередуется съ чтеніемъ акафистовъ. Многіе въ отдаленныхъ углахъ дремлютъ, въ ожиданіи литургіи, которая начнется въ 3-мъ часу ночи. Алтаремъ служитъ кувуклія, престоломъ — мраморная плита самой гробницы.

На слѣдующее утро въ томъ же храмѣ торжественное погребеніе Богоматери. Совершеніе этого обряда наканунѣ Успенія — особенность іерусалимскаго устава. Духовенство шествуетъ на богослуженіе къ Св. Гробницѣ изъ палатки, устроенной на площади, подъ звуки оркестра туземныхъ музыкантовъ. Храмъ не вмѣщаетъ всѣхъ молящихся: многіе только издали слушаютъ стройное пѣніе на греческомъ языкѣ тропарей погребенія. Сердце не перестаетъ радоваться при видѣ почитанія и любви, проявляемой къ Божьей Матери всѣми народами. Сколько людей различныхъ расъ, вѣроисповѣданій, національностей, отъ чернокожихъ коптовъ до блѣднотлицыхъ англичанъ, какое богатство разнообразныхъ костюмовъ, отъ одѣянія русскаго монаха до наряда татуированной

абиссинки, какое смѣшеніе языковъ, — и эти люди, не умѣющіе объясниться другъ съ другомъ, — объединены чувствомъ нѣжнаго упованія и робкой любви къ Пречистой Владычицѣ.

Невольно задумываешься надъ словами Смиренной Дѣвы: «Се бо отнынѣ ублажать Мя вси роди». Каждое утро, со дня Славнаго Успенія до отданія праздника, совершается торжественная литургія подъ сводами Геэсиманскаго храма. Въ эти дни вновь переживается пасхальная радость побѣды надъ смертью.

24-го августа — апофеозъ Торжества Богоматери. Святую икону Успенія уносятъ бѣлою дорогою въ Іерусалимъ. Каждый спѣшитъ въ послѣдній разъ приложиться къ Плащаницѣ. Вслухъ повторяются слова молитвы, Преположенное Имя Богородицы. Создается атмосфера проводовъ близкаго, родного человѣка, разставанія съ матерью. Куда бы ни привелъ меня Господь въ дальнѣйшемъ странствованіи, гдѣ бы ни скиталась я, знаю, что въ дни Успенскаго поста — всегда буду душой въ Іерусалимѣ.

Инокія Ек — на.

Николай Федоровичъ Федоровъ.

УЧЕНІЕ *).

Борьба со смертью.

Онъ былъ старикъ, давно больной и хилый.

Дивились всѣ, какъ долго могъ онъ жить..

Но почему же съ этой могилой

*) Въ основаніе очерка ученія Н. Ф. Федорова положены матеріалы, собранные въ 3-хъ выпускахъ «Н. Федоровъ и современность» А. Остромирова.

Меня не можетъ время примирить?... — недоумѣваль Влад. Соловьевъ послѣ смерти Фета. Въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», гдѣ напечатано было это стихотвореніе Соловьева, рукою Н. Ф. Федорова сдѣлана замѣтка: «А съ чѣю же могилой время можетъ примирить?» «Умерщвленное не можетъ быть примиреннымъ».

Все ученіе Федорова есть развитіе, проекція на всѣ виды знанія и на всѣ сферы дѣйствія душевнаго устремленія, продиктованнаго эти строки. Всегда и вездѣ

«называя вещи своими именами», онъ вмѣсто «смерть», предпочиталъ говорить «умерщвленіе». Разумныя существа умерщвляются слѣпыми силами неупорядоченныхъ, неуправляемыхъ природныхъ стихій. Можетъ ли мириться съ этимъ нравственное сознание? «Нѣтъ, не можетъ», — отвѣчаетъ Н. Ф. Федоровъ.

«Избери жизнь, дабы жить ты на землѣ»... (Второзак. XXX, 19). А не хочешь жизни, избери смерть, и уходи съ земли. Или — или — такъ звучитъ суровый пафосъ всѣхъ обращеній Федорова къ современникамъ.... «Въ настоящее время, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, — дѣло заключается въ томъ, чтобы найти, наконецъ, потерянный смыслъ жизни, понять цѣль, для которой существуетъ человѣкъ и устроить жизнь сообразно съ нею. И тогда сама собою уничтожится вся путаница, вся бессмыслица современной жизни, способная навести ужасъ и повергнуть въ отчаяніе»... «Если же не поймемъ, въ чемъ заключается нашъ долгъ и наша цѣль, то, очевидно, мы должны погибнуть, и надо думать, гибель наша близка. Въ слѣпомъ ожесточеніи другъ противъ друга, въ состояніи котораго мы находимся въ настоящее время, намъ не много понадобится времени на то, чтобы пожрать другъ друга.

На вопросъ о нашемъ долгѣ и цѣли нашей жизни и дѣятельности — философія Федорова даетъ ясный, точный и недвусмысленный отвѣтъ.

Н. Ф. Федоровъ назвалъ свое учение «философіей общаго дѣла». Онъ хочетъ философію придвинуть къ дѣлу, сдѣлать ее *насквозь дѣловой*. Разрывъ между мыслью и дѣломъ — по мысли Н. Ф. Федорова — есть первородный грѣхъ философіи, грѣхъ тяжкій, доселѣ не искупленный. Мысль, не переходящая въ проектъ, не становящаяся дѣломъ, — признакъ несовершеннѣйшаго. Мыслимое должно быть

превращено въ дѣйствительное, въ видимое, въ осязательное. Поставивъ передъ философіей такую задачу, Федоровъ критически разбираетъ рядъ построеній отвлеченной (отвлекающей отъ дѣла — по его толкованію) мысли, вскрываетъ скрытую тенденцію большинства изъ нихъ — уклонъ къ пассивной бездѣятельной запуганности передъ всеистребляющей космической силой необходимости и смерти.

«Философы, — говоритъ онъ, — поглотили комара и не замѣтили верблюда: задавались отвлеченнымъ вопросомъ: **«почему сущее существуетъ»**, вмѣсто того, чтобы спросить: **«почему живущіе страдаютъ и умираютъ?»**. «Они не поняли, что въ природной нищетѣ человѣка, во власти безсознательнаго надъ сознательнымъ, невольнаго надъ одареннымъ волею, не знающаго нравственности надъ нравственнымъ и заключается глубочайшая причина, основной источникъ всей міровой скорби и всей человѣческой розни».

Проблема познанія для Федорова неотдѣлима отъ дѣйствія: «понять — когда-то значило поднять, взять, овладѣть: «мы знаемъ только то, что можемъ сами сдѣлать». Это изреченіе приписывается Аристотелю, котораго можно считать отцомъ ученаго **сословія**. Между тѣмъ, оно явно не допускаетъ отдѣленія знанія отъ дѣйствія, т. е. **выдѣленія ученыхъ въ особое сословіе**. И вотъ, хотя прошло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ со времени Аристотеля, но до сихъ поръ не было еще ни одного мыслителя, который бы именно это начало, этотъ критерій поставилъ во главу своего ученія».

Мысль должна быть на каждомъ шагу спаяна съ волевымъ импульсомъ, непосредственно упираться въ дѣло, притомъ дѣло насущное, неотложное и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозное, дѣло общее, желанное для всѣхъ безъ исключенія, такъ какъ только такое дѣло достойно быть предме-

томъ уважающей себя мысли, мысли философской, т. е. неотвратно стремящейся къ универсальному и всеобщему. **Проективизмъ** — превращеніе мысли въ проектъ дѣйствія и въ самое дѣйствіе, этотъ терминъ, пожалуй, наилучшее выражаетъ строго дѣловой, не терпящей отлагательства смыслъ требований, предъявляемыхъ Н. Ф. Федоровымъ къ мысли, къ наукѣ.

Вмѣсто «иносказаній», вмѣсто «гипотезъ пустыхъ», не ведущихъ ни къ какому дѣйствию, нужно создавать въ области «проклятыхъ, издавна безотвѣтныхъ вопросовъ», — гипотезы **рабочія**. Всякая теорія должна стать рабочей гипотезой, философія — планомъ, символъ — проектомъ, догматъ — заповѣдью. Вѣра безъ дѣла мертва. Мысль безъ дѣйствія обманна, призрачна и иллюзорна. Въ чемъ же это общее, неотложное, желанное для всѣхъ дѣло?

«Кто нашъ общій врагъ, врагъ единый, вездѣ и всегда присутствующій въ насъ и внѣ насъ живущій, но тѣмъ не менѣе врагъ лишь временный?» — спрашиваетъ Н. Ф. Федоровъ и отвѣчаетъ: «Этотъ врагъ — природа. Она — сила, пока мы безсильны, пока мы не являемся ея волею. Сила эта слѣпа, пока мы неразумны, пока мы не составляемъ ея разума. Занятые постоянной враждой и взаимнымъ истребленіемъ, исполняя враждебную намъ волю, мы не замѣчаемъ этого общаго врага и даже преклоняемся передъ враждебной намъ силой, благосклонность которой такъ же для насъ вредна, какъ и вражда».

«Между тѣмъ, природа въ насъ начинаетъ не только осознать себя, но и управлять собою, въ насъ она достигаетъ (т. е. можетъ достигнуть) совершенства, или такого состоянія, когда она ничего уже разрушать не будетъ, а все въ эпоху слѣпоты разрушенное возстановитъ, воскреситъ...»

Тогда «природа, врагъ временный, будетъ (можетъ быть) другомъ вѣчнымъ... Въ рукахъ сыновъ человѣческихъ она изъ слѣпой разрушительной силы обратится (можетъ обратиться) въ возсозидательную»...

Борьба съ природой (для того, чтобы она стала «другомъ вѣчнымъ») не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ, **она должна расширяться и организоваться въ борьбу общественную, государственную и международную**...

«Здѣсь, — говоритъ Н. Ф. Федоровъ, — единственно истинный и плодотворный коллективизмъ, естественная цѣлесообразная солидарность. И здѣсь же, на этомъ поприщѣ, для всѣхъ необходимой, спасительной самозащиты и взаимозащиты, здѣсь — единственная возможность замѣны братоубійственной вражды братскимъ сыновнимъ единеніемъ»..

Единое человечество и единый фронтъ — научно - трудовой борьбы съ природой, война до конца, до полной побѣды, до полного исчезновенія разрушенія и смерти, — такова задача, которую ставитъ человечеству Федоровъ. Онъ указываетъ, что два неотложныхъ, насущно - практическихъ вопроса тяготѣютъ надъ населеніемъ земного шара: это — вопросъ **продѣвольственный** (вопросъ обезпеченія всѣхъ кускомъ насущнаго хлѣба) и **санитарный** (вопросъ всеобщаго здоровья и уничтоженія болѣзней и смерти). Они должны быть поставлены въ центрѣ нашего вниманія.

«Мірозданіе» въ его нынѣшнемъ видѣ правильнѣе было бы назвать міроразрушеніемъ... Всеобщее паденіе, распаденіе на составныя части, развалъ, разладъ, перерасходъ, дефицитъ — такова картина, наблюдаемая человѣкомъ вокругъ себя и въ себѣ самомъ. Крайнее выраженіе этого распада проявляется въ органическихъ тѣлахъ, какъ **смерть**».

Федоровъ со всей силой возстаетъ про-

тивъ «самаго легкомысленнаго изъ суетвѣрій»: вѣры въ какую-то «абсолютную» (окончательную) смерть. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — замѣчаетъ онъ, — когда дѣйствительность смерти была уже признана, удавалось возвращать жизнь посредствомъ гальванизма и т. п. Какъ ни были бы незначительны такіе случаи, все же они заставляютъ насъ дать болѣе строгое опредѣленіе такъ называемой дѣйствительной смерти. Дѣйствительною смертью можетъ быть названа только тогда, когда никакими средствами возстановить жизнь невозможно, или когда всѣ средства, какіе только существуютъ въ природѣ, какіе только могутъ быть открыты человѣческимъ родомъ, были уже употреблены». Федоровъ провозглашаетъ войну со смертию до конца, до полной побѣды. Такимъ концомъ, является не только достиженіе бессмертія для живущихъ, но и воскрешеніе умершихъ. Мыслитель убѣжденъ, что первое безъ второго и невозможно. Быть бессмертнымъ, значить умѣть самому строить свой организмъ изъ первоначальныхъ элементовъ. Для этого нужно знать принципы такого построенія, знать себя, но знаніе только себя (девизъ Сократова демона) — задача абсурдная. «Человѣкъ есть существо рожденное, а не непосредственно возникшее, онъ есть отраженіе и подобіе отцовскаго и материнскаго организмовъ, со всѣми ихъ недостатками и достоинствами... Человѣкъ, углубляясь въ самого себя съ цѣлью самосознанія, открываетъ, находитъ въ себѣ самомъ предрасположенія, наклонности, явленія, для которыхъ нѣтъ основанія или причины въ его собственной жизни; такъ что изъ намѣренія познать себя выходитъ познаніе своихъ составныхъ частей, сознаніе того, что было прежде него, отъ чего онъ самъ, познающій, произошелъ, т. е. познаніе своихъ родителей».

Физической невозможности бессмертія потомковъ безъ воскрешенія предковъ,

соотвѣтствуетъ невозможность нравственная. Чувство долга, вытекающее изъ любви къ давшимъ намъ жизнь и нами невольно умерщвленнымъ, вытѣсненнымъ изъ жизни. Этотъ нравственный моментъ — одинъ изъ самыхъ мощныхъ мотивовъ федоровскаго философствованія. Имъ окрашены всѣ утвержденія мыслителя, всѣ подходы и проекты. Признавать желаннымъ индивидуальное земное бессмертіе для одного заключительнаго поколѣнія, для котораго всѣ предыдущія должны были только «унавозить гармонію», кажется неимоверной степенью одичанія и хамства. Съ другой сторны — какое-либо ограниченіе возможностейъ въ этомъ направленіи для трудовой науки, для совокупнаго дѣйствія объединеннаго человечества означало бы появленіе снова на сцену пресловутаго: «стихійныхъ силъ не превозмочь» и знаменовало бы безнадежное опусканіе рукъ передъ слѣпой силой. Проблема бессмертія неодолимо влечетъ за собой императивъ воскресенія.

«Сознаніе страшное обмана всѣхъ прежнихъ малыхъ думъ и вѣръ» подводитъ вплотную къ безстрашному осознанію нобой величайшей думы и отважнѣйшей вѣры. Но эта вѣра, какъ всячески хочетъ показать Н. Ф. Федоровъ, вовсе не новая, а самая древняя, искони сродная человѣку. «На зарѣ его рожденія — съ того момента, какъ онъ принялъ вертикальное положеніе, — человѣкъ сдѣлался существомъ погребаяющимъ. Погребеніе не могло быть ничѣмъ инымъ, — продолжаетъ Н. Ф. Федоровъ, — какъ только попыткой воскрешенія. Все то, что обратилось теперь въ обрядъ, какъ-то: обмываніе, отпѣваніе, отчитываніе — все это могло прежде употребляться лишь съ цѣлью оживленія, приведенія въ чувство», а потомъ «стало символомъ воскресенія, напоминающимъ о необходимости изыскать средства къ нему. Отпѣтъ — было равнозначуще —

отчитать, откачать, отходить, отстоять отъ смерти».

«Итакъ, погребеніе, въ основѣ своей, есть противодѣйствіе смерти (хотя и безсильное), возвращеніе къ жизни (хотя и не дѣйствительное)».

Погребеніе доказывать, что въ сынахъ умирающихъ отцовъ живетъ неистребимая нужда въ воскрешеніи, что они противодѣйствуютъ смерти насколько хватаетъ силы. Сила же зависитъ отъ объема и степени знанія и отъ объединенія для употребленія его въ дѣло. «Сыны» «сооружаютъ гробъ или склепъ (противодѣйствуя разложенію); отмѣчаютъ мѣсто погребенія. Этого мало — устройвъ мѣсто умершимъ, какъ живымъ, не считаютъ свое дѣло оконченнымъ, не могутъ примириться съ удаленіемъ умершихъ, поче-

му и зовутъ дѣло хороненіемъ. Скрывъ въ землѣ по необходимости физической, сыны, по необходимости нравственной, родственной, тотчасъ же какъ бы выводятъ скрытаго изъ могилы, возстанавляютъ его, воздвигая памятникъ или, насколько умѣютъ, — подобіе умершаго (это — художественное воскрешеніе). Каждый отдѣльный памятникъ есть выраженіе единичнаго воскрешенія, а храмъ выраженіе общаго воскрешенія многихъ».

Исходя изъ этихъ положеній, Федоровъ развертываетъ рядъ схемъ религіозной исторіи человѣчества, своеобразно истолковываетъ смыслъ культовой и догматической символики христіанства и въ особенности православія.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Проблема любви въ свѣтѣ современной психологіи*).

Нѣтъ темы, когда-либо поставленной человечествомъ, на которую было бы затрачено столько остроумія, фантазій, поэзіи, какъ на тему о любви. И вмѣстѣ съ тѣмъ о ней философски глубокаго и истинно-цѣннаго на протяженіи вѣковъ было сказано мало. Можетъ быть, оттого, что любовь составляетъ сущность души, душевой энергіи. Если такъ, то она такъ же сложна, таинственна, запутанна, какъ и человѣческая душа. И тѣ противорѣчія, что существуютъ въ сужденіяхъ о любви, раскрываютъ не сущность любви, а собственный характеръ произносящаго сужденіе. Вспоминается сужденіе о любви, которое пришлось уви-

дѣть на портсигарѣ одного шикарнаго коммерсанта: «Любовь — глупость». У Платона сказано: «Любовь — безуміе», но священное безуміе.

Современная психологія заново поставила проблему любви и поставила чрезвычайно плодотворно. Эта постановка заставляетъ пересмотрѣть все, что было сказано относительно любви.

Среди этихъ высказываній самая великія принадлежатъ Платону — достаточно вспомнить «Пиръ», «Федръ». Въ русской философій великолѣпный образчикъ платонизма въ пониманіи любви данъ въ статьѣ В. С. Соловьева — «Смыслъ любви» и позже въ философствованіи Н. А. Бердяева. Вокругъ нихъ и вращается русская философія любви.

Въ свѣтѣ современной психологіи, по

*) Запись по памяти доклада проф. Б. П. Вышеславцева.